

Антон Иванов
Анна Устинова

НОВОГОДНИЙ ДЕТЕКТИВ

Загадка
подслушанных
разговоров

Команда отчаянных

АНТОН ИВАНОВ

Загадка подслушанных разговоров

«АНТОН ИВАНОВ, АННА УСТИНОВА»

2000

Иванов А. Д.

Загадка подслушанных разговоров / А. Д. Иванов — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2000 — (Команда отчаянных)

Команда отчаянных не знает отдыха даже на каникулах! Странное событие положило начало новому расследованию. Вместо радиоспектакля обычная магнитола вдруг начала передавать... разговоры жителей одного из домов элитного поселка Изумрудово! Ребята вмиг догадались, что за хозяевами дома ведется слежка, прослушиваются их разговоры и где-то в недрах их особняка установлен «жучок». Но кому это выгодно? И где искать передатчик? Для того чтобы это выяснить, друзья строят... снежную крепость!...

© Иванов А. Д., 2000

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2000

Содержание

Глава I	5
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Антон Иванов, Анна Устинова

Загадка подслушанных разговоров

Глава I

ИНТЕРЕСНАЯ ПЕРЕДАЧА

Герасим Каменев по прозвищу Каменное Муму мрачно взирал на огромный экран телевизора. Экран был темен.

– Куда они могли задевать этот проклятый пульт? – пробубнил себе под нос мальчик.

Он обошел всю огромную комнату. Тщательно осмотрел все поверхности. И даже перевернул подушки на диванах и креслах. Тщетно. Пульт словно испарился.

Герасим с тяжелым вздохом плюхнулся на раскуроченный диван и с ненавистью посмотрел на роскошный, но мертвый телевизор. Герасиму было скучно. Как назло, он проснулся первым. Все остальные еще отсыпались после новогодней ночи. Нельзя сказать, чтобы он не пытался их разбудить. Однако все усилия прошли абсолютно впустую. Иван Холмский лягнул его ногой. А Пашка Лунин, даже не удосужившись открыть глаза, метко пульнул в голову Каменного Муму подушкой.

Конечно, Герасим был не таким человеком, чтобы сразу сдаться. Поэтому, потерпев фиаско в гостевой комнате, где расположились вместе с ним Иван и Павел, он попробовал разбудить Сеньку Баскакова. Однако дверь, за которой спал Баск, оказалась заперта. А из-за двери раздавался богатырский храп.

«Ну люди, – мысленно осудил друзей Герасим. – Дрыхнуть в такое прекрасное новогоднее утро». Сперва Муму решил выйти на улицу и насладиться зимней природой. Он даже направил стопы в холл, однако по пути ему вспомнилось, что Баск предупреждал накануне по поводу сигнализации, которую вроде бы включают на ночь. Правда, может, ее сегодня не включили. Однако рисковать Муму не хотелось. Черт его знает. Пойдешь погулять, а к тебе охрана со всего поселка сбежится. Доказывай потом, что ты не грабитель.

Вот почему, потоптавшись на месте, Герасим остановил выбор на более скромном занятии. А именно отправился в огромный зал Баскаковых, чтобы убить время за телевизором, своими внушительными размерами напоминающим экран кинотеатра. Однако, как уже было сказано, пульт бесследно исчез, а без него в этой комнате вообще ничего невозможно было включить. Ни телевизор, ни свет, ни музыкальный центр. Даже створки бара открывались с помощью пульта. Тут мальчик вспомнил, что у них в комнате тоже есть телевизор. Замысел возник мгновенно: «Может, наш ящик сюда перетащить?» Однако Герасим сообразил, что самостоятельно с задачей он не справится. Конечно, телик в гостевой комнате значительно уступает размерами плазменной панели из зала. Однако перетащить его в одиночку, да еще вниз по лестнице... Нет. Такое Герасиму было явно не под силу.

«А если я его прямо там по-тихому врублю?» – у мальчика возник новый план. Однако рациональный разум Герасима моментально подсказал, что трюк не пройдет. Иван и Пашка немедленно встанут на защиту своего сна. И он, Герасим, явно не победит в этом бою.

Муму все-таки начал подниматься по лестнице к гостевой комнате. Где-то на середине пути его вдруг осенило: там ведь кроме телика еще магнитола на подоконнике стоит. Герасим немного приободрился. «Конечно, магнитола – это гораздо хуже, чем телевизор, – размышлял он на ходу, – но все-таки лучше, чем ничего. Потому что, пока эти идиоты дрыхнут, можно хоть музыку какую-нибудь послушать. Тем более у Баска целая куча классных дисков. Хотя нет, – сообразил вдруг Герасим. – Диски сейчас фиг достанешь».

Дело в том, что богатое музыкальное собрание Сени Баскакова находилось во встроенном шкафу, который тоже можно было открыть только с помощью пульта дистанционного управления. А именно пульта нигде и нету. «И если бы он нашелся, – продолжал невеселые размышления Муму, – то зачем мне вообще эта магнитола? Меня бы и телик устроил. Тем более он тут у них принимает программы чуть ли не со всего мира. Но что понапрасну мечтать о несбыточном!»

Муму в который раз за сегодняшнее утро исторг тоскливый вздох и, достигнув площадки второго этажа, поплелся в гостевую комнату. У него теплилась надежда, что ребята уже проснулись. Однако, едва переступив порог, он понял, что жестоко ошибся. Иван и Луна, раскинувшись на кроватях, спали как убитые.

Мальчик прокрался на цыпочках к подоконнику. Он не ошибся. Там и впрямь стояла небольшая магнитола. «Буду слушать радио», – принял решение Каменное Муму. И, захватив с собой магнитола, спешно вернулся в гостиную.

Плюхнувшись в кресло, он включил радио. Батарейки, по счастью, работали. Герасим лениво крутил шкалу настройки, надеясь найти что-нибудь интересное. Вдруг из приемника послышалось:

– Ну, Сашенька! Открой ротик! Смотри, кашка какая вкусная! За ма-аму! За па-апу! Ой!

Послышался звон разбитой посуды. И еще, кажется, на пол упала ложка. Затем раздался детский рев.

«Совсем наше радио обалдело, – с неудовольствием отметил Герасим. – Не спектакль, а бред собачий. Надо же! Передавать в новогоднее утро про ребенка, которого кашей кормят! А главное, текст совершенно халтурный. Слов почти нет. Один детский рев».

Не успел Герасим об этом подумать, как старческий голос, перекрывая истошное завывание ребенка, воскликнул:

– Сашулечка! Детулечка! Ну не надо, пожалуйста! А вот посмотри, как сейчас бабушка будет плясать!

Рев резко сменился громким ритмичным топотом. Похоже, бабушка из радиоспектакля выбивала нечто вроде чечетки.

«Ну халтурщики! – Герасима захлестнуло праведное негодование. – И это теперь называется пьесой! Два слова, потом на пять минут рев. Потом еще два слова – и танцы. А небось это какой-нибудь модный современный автор, и кучу бабок за свое произведение получил».

Чечетка кончилась. Герасим уже собрался перевести ручку настройки, когда из колонок магнитолы послышался молодой и явно отдаленный большим расстоянием женский голос:

– Мама! Иди скорей! Тебя к телефону!

«Та-ак, – заинтересовался Муму. – Кажется, появились новые действующие лица».

Делать все равно было пока нечего. Он решил еще немного послушать «халтурный спектакль». Постановка и драматургия не переставали его удивлять. Бабушка ребенка и мама той, которая позвала ее к телефону, громко крикнула:

– Иду! Иду!

Затем Герасим услышал скрежет стула и Сашенькино лопотание. Потом снова что-то упало на пол и разбилось. Бабушка скорбно произнесла: «Ой-е-ей! Ох ты, господи!» Скрипнула дверь, и в радиоспектакле настала длительная пауза.

«Сейчас, наверное, будет перерыв на какие-нибудь новости или музыкальный антракт», – предположил Муму, однако ошибся. Время шло. Пауза затягивалась.

«А еще говорят, что эфирное время дорого, – с неудовольствием отметил Герасим. – Вон уже пять минут, и ни гугу».

Это было совершеннейшей правдой. Радио молчало. Герасим уже потянулся к рукоятке настройки, чтобы доискать какую-нибудь другую передачу, но тут спектакль неожиданно продолжился.

– А вот и я! – громко и бодро изрек какой-то дотоле не участвовавший в действии мужчина.

Снова настала короткая пауза. Затем новый участник спектакля хмыкнул и совсем другим тоном спросил:

– Эй! А где все?

– Где, где, – решил помочь ему Каменное Муму. – По телефону ушли разговаривать.

Мужик из спектакля, разумеется, подсказки не услышал. Впрочем, это уже не имело значения. Послышались жуткий грохот в сочетании с громкой руганью.

– Ну ни фиги себе, детские спектакли пошли, – выслушав длинную и весьма забористую тираду мужчины, искренне изумился Герасим.

Удивление было вполне обоснованным, ибо из всего произнесенного мужчиной слова «мерзость проклятая» и «черт бы их всех побрал с потрохами» были самыми невинными. Зато Каменное Муму отчетливо понял, что причиной бурного недовольства нового персонажа пьесы послужила каша, на которую тот наступил, поскользнулся, упал и весь вымазался.

«Текст, конечно, крайне дурацкий, – продолжал анализировать мальчик. – Но актер классно играет. Прямо представляешь себе, как он стоит в этой каше».

– Неужели убрать за собой не могли? – тем временем очень натурально возмущался актер. – Так же можно вообще себе башку свернуть. А если я, к примеру, шею сверну, на кого они останутся?

«Классно играет мужик, – вновь похвалил Герасим. – Но спектакль какой-то дурдомовский. И вроде совсем не детский».

Из динамика послышался звук удаляющихся шагов. Затем вновь воцарились полная тишина. Герасим терпеливо ждал. Прошло пять минут. Потом – десять. Действие не возобновлялось.

– Полный дурдом, если вообще не сказать психушка, – вслух вынес окончательный вердикт Герасим, не сводя глаз с приемника.

– Муму-ушечка, – раздался за его спиной вкрадчивый голос. – С кем это ты тут беседуешь?

Мальчик резко обернулся. Этого ему только не хватало для полного счастья! На пороге, ехидно улыбаясь, стояла Варя.

– Да я вот тут... вообще, – краснея, пролепетал он.

– Вижу, вижу, – потрянула золотистыми кудряшками Варя. – С магнитолой, значит, беседуешь.

– Не беседую, а спектакль слушаю, – сердито глянул на нее Каменное Муму.

– Интересный какой спектакль, – с притворным восторгом всплеснула руками Варвара. – Называется «Гробовая тишина». Или он, Мумушечка, у тебя уже закончился?

– Ничего он не кончился, – буркнул Герасим. – Просто пьеса какая-то странная.

Последнее замечание повергло Варвару в бурный восторг. И она, звонко расхохотавшись, крикнула:

– Марго! Быстро сюда! У нашего дорогого Каменного совсем крыша съехала. Так сказать, с Новым годом, с новой крышей!

– Тихо шифером шурша, едет крыша не спеша, – в тон подруге откликнулась сверху вторая девочка.

– Ну и сидите тут со своей крышей и со своим шифером, – окончательно разобиделся Герасим.

Он резким движением выключил магнитолу и, поднявшись из кресла, подхватил ее под мышку.

– Счастливого оставаться.

– Ну уж нет! – Варя решительно преградила ему путь. – Никуда мы тебя не отпустим. Остальные мальчишки еще дрыхнут. Их пока даже пушками не разбудишь. Сама пробовала. А нам с Маргаритой скучно. Так что, Муму, сиди.

В комнате появилась Маргарита.

– Что там у нас с нашим Герочкой? – Она широко раскрыла и без того огромные черные глаза.

– Со мной-то порядок, – откликнулся Каменное Муму. – А вот Панова в своем репертуаре. Прикалывается. – Он с осуждением поглядел на Варю.

– Давно бы пора привыкнуть, – с ангельским видом заявила та. – Все равно ведь не прекращу. Видно, у тебя, Герочка, судьба такой, – с восточным акцентом добавила она.

– Это не у меня судьба, а у тебя характер плохой. – Муму мигом затеял полемику. – Вечно ты, Варька, сваливаешь с больной головы на здоровую.

– Это у кого тут здоровая голова? – разыграла крайнюю степень изумления Варя.

– Во всяком случае, не у тебя. – Герасим буравил ее тяжелым взглядом.

– Ну конечно, Муму, конечно, – сардонически расхохоталась Варя и, часто моргая ярко-голубыми глазами, с самым что ни на есть невинным видом добавила: – У меня, конечно, Герочка, головка слабенькая. Не в пример тем, которые новогодним утром тихо ведут беседу с молчащим радио.

– Оно не молчало! – воскликнул Герасим. – Русским языком тебе говорят: там был спектакль.

– Тяжелый случай утренних новогодних галлюцинаций, – с сочувствием покачала головой Варвара. – Потому что, как только я вошла, спектакль кончился.

– Ни фиги он не кончился! – заорал Муму. – Он продолжался. Просто когда ты вошла, там наступила пауза.

– Вот, вот, Герочка, – прежним тоном продолжала Варя. – Во время галлюцинаций именно так и происходит. Ты вроде бы слышишь голоса. Тебе даже кажется, что они звучат наяву. Только другим этого не кажется. Потому что они ничего не слышат.

Видя, что по худому длинному лицу Муму от ярости уже ходят желваки, Марго решила вмешаться:

– Варька, оставь человека в покое. Ну не выспался он. Услышал чего-то там. Какая разница. Давайте лучше включим телевизор.

– Пульту нету, – развел руками Муму. – Баск куда-то его девал. Потому мне и пришлось эту бандуру слушать, – указал он на магнитола. – И вообще, я лично есть хочу.

– Герочка, хотеть есть – не твое амплуа, – немедленно вмешалась Варвара. – Вечно голодный у нас не ты, а Луна.

– Луна спит, – напомнил Герасим.

– Он спит, а ты, значит, его замещаешь, – прыснула Варя.

– Никого я не замещаю, – ответил Муму. – Что я, по-вашему, сам по себе не имею права проголодаться? И вообще, вы как хотите, а я пошел на кухню.

– Мы тоже хотим, – ответила Марго.

В это время сверху послышался голос Баска:

– Девчонки, где вы?

– Тут! – выбежала в холл Марго. – Спускайся! Есть хочется!

Баск мигом спустился.

– А эти все еще дрыхнут, – сообщил он свежие новости по поводу Ивана и Павла.

– Я их тоже пытался разбудить, – откликнулся Муму, – но они не поддаются.

– Пусть дрыхнут, – махнул рукой Баск.

– Мне только одно удивительно, – сказала Варя, – как это наш Луна может дрыхнуть, когда остальные собрались поесть.

– А ты видела, сколько Луна вчера, а вернее, уже сегодня слопал? – осведомился Герасим.

– Так с тех пор уже сколько часов прошло, – отвечала Варвара. – И способности по части поглощения пищи у нашего Луны, можно сказать, безграничны...

– Слушай, – перебил ее Герасим, – может, чем Луну обсуждать, все-таки пойдем на кухню?

– Ты совершенно прав, – Сеня хлопнул его по плечу. – Вперед!

На кухне друзья увидели горничную Альбину Ивановну, которая запихивала в посудомоечную машину грязные тарелки и чашки, оставшиеся после празднования Нового года.

– Доброе утро, – улыбнулась ребятам горничная. – Уже выспались?

– Не все, – счел своим долгом уточнить дотошный Герасим. – Некоторые еще дрыхнут.

– И пускай себе, – вновь улыбнулась средних лет женщина. – У вас же каникулы. Вот и отдыхайте себе на здоровье. Ох, чего ж я болтаю, – вдруг спохватилась она. – Вы, наверное, голодные?

– Есть, тетя Аля, немного. – Баск расправил могучие плечи.

– Вам где накрывать? – немедленно засуетилась горничная. – Здесь? – указала она на широкий кухонный стол из мореного дуба. – Или в зале?

– Чего зря жратву туда-назад перетаскивать, – откликнулся Баск. – Здесь и будем.

– Ну и ладно, – кивнула Альбина Ивановна.

– Давайте мы вам поможем! – вызвались девочки и Герасим.

Сеня присоединился к остальным, и вскоре на широком столе появилась самая разнообразная снедь. Друзья так жадно накинулись на еду, будто по крайней мере два дня голодали. Какое-то время в кухне слышалось лишь ритмичное постукивание ножей и вилок о тарелки.

– Так-так, – на пороге неожиданно возник толстый розовощекий Павел Лунин. – Меня, конечно, никто не позвал. И это называется друзья.

– Ну ни фигя себе заявление! – Герасим так возмутился, что кусок бутерброда с семгой попал ему не в то горло.

Мальчик начал надсадно кашлять. Варвара изо всех сил заколотила его по спине.

– Вот до чего, Муму, жадность доводит, – улыбнулся Луна и, деловито усевшись за стол, наложил себе полную тарелку салата «оливье». – То, что как раз и требуется утром после новогодней ночи, – прокомментировал он свои действия.

– И ты еще имеешь наглость утверждать, что тебя не звали, – прокашлялся наконец Муму. – Да я вас с Иваном еще час назад пытался растряссти. Кстати, где Иван?

Не успел Герасим задать вопрос, как в кухню, зевая, вошел рослый широкоплечий Холмский.

– Доброе утро всем!

Усевшись за стол рядом с Луной, он тоже начал уписывать салат «оливье». Горничная с умилением взирала на юного хозяина и его друзей, время от времени приговаривая:

– Ах, молодцы, ребята. Как хорошо кушают.

В заключение она поинтересовалась, во сколько подавать обед. Сеню по этому поводу охватили тяжелые раздумья. Он сейчас так наелся, что казалось, никогда в жизни больше не проголодается. Поэтому переговоры с Альбиной Ивановной взял на себя Луна.

– Ну-у, мы сейчас сперва посидим, – он похлопал себя по толстому животу. – Потом, наверное, погуляем. На морозе, естественно, аппетит разыграется. Так что, полагаю, часикам к пяти будем вполне готовы к обеду.

– Тогда, значит, в пять, – подытожила горничная.

Ребята вернулись в зал. Сеня немедленно увидал стоящую на журнальном столике магнитоу.

– Кто приволок?

– Мумушечка, – хохотнула Варя. – Когда мы с Марго вошли, он с этой штуkenцией разговаривал.

– Че-его? – изумленно переспросил Баск.

– Мумушечка разговаривал с твоей магнитолочкой, – продолжала Варя. – А магнитолочка молчала.

– Совсем, что ли? – Баск покрутил пальцем возле виска.

– Врет она все! – взорвался Герасим. – Я просто первым проснулся, а делать было нечего. Вот я и стал слушать по этой штуке спектакль.

– Да на фига тебе тут эта штука сдалась? – продолжал изумляться Баск. – Тут все свое есть. Хочешь гляди, хочешь слушай.

– Это если бы ты пульт не уволок, – с осуждением произнес Герасим.

– И не думал я ничего уволакивать, – невозмутимо проговорил Сеня.

Он легонько коснулся стены. Из нее с тихим жужжанием выехал ящичек, в котором лежал многофункциональный пульт.

– Пользуйся на здоровье, – Сеня протянул Герасиму дистанционник.

– Если бы раньше знать, – буркнул Муму.

– Я вчера всем показывал, где что лежит, – спокойно произнес Баск.

– Только не мне, – заспорил Муму.

– Всем, – стоял на своем Сеня.

Однако выяснилось, что на вчерашние Сенины объяснения обратил внимание лишь Луна. Остальные, подобно Герасиму, в суете праздника ничего не запомнили.

– Вот поэтому нашему Герочке, – с выразительным вздохом начала Варя, – пришлось коротать утро в беседах с магнитолой. Вернее, когда мы с Марго вошли в зал, магнитола молчала, а Мумушечка говорил.

– Что ты несешь! – взорвался Герасим. – Ни с кем я не разговаривал! Я спектакль слушал! А в нем были очень длинные паузы.

– Это Мумушечке казалось, что паузы, – не унималась Варвара. – А на самом деле там была полная тишина.

– Никакой тишины там не было! – вновь возопил Каменное Муму.

И принялся скороговоркою объяснять, что поймал по радио очень странный спектакль. До того странный, что он, Герасим, даже до конца не врубился, о чем шла речь и кому была предназначена постановка, взрослым или детям.

– Там и текста-то с гулькин нос, – уточнил Каменное Муму. – То всякие «ох-охошечки, ой-е-ешечки», да ребенок орет. То мужик какой-то падает, а потом жутко ругается.

– А как он ругался-то? – любопытствовал Сеня.

– Потом скажу, – отвечал Герасим. – При девчонках нельзя.

– Ничего себе спектакль для детишек! – звонко расхохоталась Варя.

Луна, не сводя глаз с Герасима, медленно произнес:

– А ты вообще уверен, что это был спектакль?

– Что же еще, по-твоему, это было? – высокомерно изрек Каменное Муму.

– Не знаю, – пожал плечами Павел. – Но вообще на радиоспектакль не очень похоже.

– Ты, конечно, у нас во всем разбираешься. – Муму с ходу принялся спорить. – Какие радиоспектакли бывают и каких не бывает. Да сейчас любое бывает!

– Ну не совсем любое, – стоял на своем Луна.

– А я говорю: любое, – с упрямым видом повторил Герасим.

– Слушайте, чего зря спорить, – вмешалась Марго. – Если этот Геркин спектакль развивался столь медленно, да еще с такими длинными паузами, то, возможно, он до сих пор идет.

– И впрямь!

Долговязый Герасим, вскочив с дивана, кинулся к магнитоле, схватил ее и включил. Из колонок послышался приторно-сладкий голос известного эстрадного певца.

– И это, Мумушечка, ты называешь спектаклем? – всплеснула руками Варя.

– Попса какая-то, – в свою очередь прислушался Баск.

– Это совсем не то, что я слушал, – решительно произнес Герасим. И, приглядевшись к шкале настройки, добавил: – Сбилось. Это вот тут было.

Он легонько крутанул ручку. Песню сменила тишина.

– Ну, теперь слышите? – с гордостью глянул на друзей Муму. – Кажется, нам повезло. Спектакль еще идет.

– Если он, Герочка, и идет, то только у тебя в ушах, – сладким голосом ответила Варя. – Потому что мы ничего не слышим.

– Если бы ты, Варвара, была поумнее, то поняла бы сама: именно это и требовалось доказать. У них в спектакле все паузы именно так звучат.

– Ах, ах, конечно, – продолжала издеваться Варя. – Звучащая тишина.

Герасим хотел достойно ответить обидчице, но в это время тишина в колонках сменилась явственным звуком шагов. Затем раздался уже знакомый Муму мужской голос:

– Мне интересно, кто-нибудь когда-нибудь сподобится убрать с пола эту чертову кашу?

Мужчина умолк и, судя по звукам, открыл холодильник, что-то оттуда извлек и вновь затворил дверцу. Потом звякнул какой-то посудой и покинул помещение. Настала очередная длительная пауза.

– Ну, теперь верите? – осведомился у друзей Герасим. – Они там, – он указал на магнитоле, – всю дорогу так.

– Если бы я и не знала, что это какой-то прикольный современный спектакль, – медленно и тихо проговорила Марго, – то подумала бы, что мы с вами сейчас сидим не у Баска в зале, а у кого-то на кухне в шкафчике и подслушиваем, что делают хозяева.

– Мне тоже так показалось, – согласился Баск.

– Это потому, что вы темные и невежественные дураки, – покровительственно изрек Герасим. – Просто вам невдомек, что современное сценическое искусство стремится к эффекту присутствия. Ну, чтобы мы вроде бы чувствовали себя не зрителями, а как бы в центре событий.

– Господи! – всплеснула руками Варя. – И откуда наш дорогой Мумушечка подобного набрался?

– Газеты нужно читать, – Герасим взял реванш за недавние унижения. – То, что вам кажется странным спектаклем, на самом деле для современного театра – норма, – добавил он, совершенно забыв, что совсем недавно эта радиопостановка ему самому показалась бредовой.

Точно в подтверждение его слов спектакль продолжился. Раздались голоса двух женщин.

– Это бабушка, а это мама Сашеньки, – Герасим поторопился ввести непосвященных друзей в курс дела.

– Какого еще Сашеньки? – вытаращился Баск на Муму.

– Ребенка, – коротко бросил Муму. – Который кашку сначала жрал.

– А-а, – кивнул Баск.

Бабушка с мамой начали активно убирать с пола кашу и остатки разбитой тарелки, одновременно обсуждая, готовить ли что-нибудь свежее на обед. Мнения разделились. Бабушка активно доказывала, что надо хотя бы супчик сварить. А дочь возражала, что вполне хватит остатков от новогоднего стола, потому что из-за того, что какие-то Беляевы заболели гриппом и Новый год встречать не приехали, в холодильнике лежит куча всего несъеденного.

– Если, ма, мы это не доедим, все равно испортится, – сказала в заключение дочь.

– Как же, испортится, – хмыкнула мать. – Твой Ленька уже половину с утра умял.

– Умял – и на здоровье, – снова заговорила дочка. – Мой муж, между прочим, ест не чужое, а свое. Так сказать, сам заработал, сам съел.

– На диету твоему Леониду надо садиться, – мать явно не разделяла восторгов дочери. – А то мужику еще сорока нет, а он вон какое пузо себе отрастил.

– Между прочим, это Ленино личное дело, – обиженно произнесла дочь.

– «Личное», – передразнила теща. – Вот как инфаркт его хватит по причине лишнего веса, тогда я тебя и спрошу, что личное, а что не личное.

– Мама, как тебе не стыдно! – с неприкрытым возмущением воскликнула дочь. – Зачем ты каркаешь!

Однако у пожилой женщины уже явно открылись какие-то эмоциональные шлюзы, и она, невзирая на протесты дочери, продолжала:

– Между прочим, Сашеньку еще растить и растить. А если что с Леонидом случится, у тебя ни работы и вообще ничего не останется. И дома этого загородного не будет.

– Между прочим, дом на меня записан, – многозначительно произнесла молодая женщина.

– А содержать его на что будешь? – с азартом спросила пожилая. – Тут каждый месяц несколько тысяч уходит. А Леонидовы компаньоны по бизнесу вмиг у тебя все оттяпают. Это пока он жив, они с тобой хорошие!

– Мама! – вскипела дочь. – Как ты смеешь раньше времени хоронить Леонида? Он, между прочим, молодой, живой и здоровый! И изо всех сил для нас старается!

– Видели мы таких старательных, – и после этого не прониклась почтением к зятю «любящая теща».

– Все! – отрезала дочь. – Хватит! Ты, мама, что? Праздник нам хочешь испортить?

– Ах, значит, я вам праздник порчу? – захлебываясь от негодования, проверещала собеседница. – Дожили-доехали! В таком случае счастливо оставаться, я уезжаю в Москву!

– Мама, но ты же обещала посидеть с Сашенькой, – в голосе дочери послышался ужас. – И няню мы отпустили до конца недели. А нам с Леней сегодня вечером необходимо быть на приеме.

– Ваш прием меня совершенно не интересует, – отрезала мать. – Остаюсь только ради Сашеньки.

На сей пафосной ноте диалог прервался. Видимо, руководствуясь принципом, что худой мир лучше доброй ссоры, обе женщины молча покинули комнату. В спектакле снова настала пауза.

– Ну прямо как в жизни, – ошеломленно пробормотал Баск.

– Даже слишком как в жизни, – откликнулся Павел.

– Сколько вам еще раз повторять, – сказал Муму. – Это специально сделано. Эффект присутствия.

– Эффект хороший, – усмехнулась Варвара. – Во всяком случае, бабушка Сашеньки – прямо как живая.

– Еще бы, – подхватила Марго. – По-моему, эта бабушка своего зятя не любит.

– Так сказать, конфликт поколений, – уточнила Варя.

– Ясно как божий день, – солидно кивнул Герасим.

– По-моему, Мумушечка, тебе до того, как мы стали слушать спектакль, ничего ясно не было. – Варя вновь принялась подтрунивать над ним.

Пауза в радиопостановке явно затягивалась.

– Интересно, они долго еще так молчать собираются? – недоумевал Баск. – Вот мы, предположим, болтаем. А если бы я, например, просто один сидел и слушал, то наверняка бы уже давно на другую передачу переключился. Какой смысл в спектакле, где действия в час по чайной ложке?

– Никакого, – отозвался Павел.

Скуластое лицо Герасима приобрело то самое упрямое выражение, благодаря которому он, в частности, и снискал прозвище Каменное Муму. Всем стало ясно: он настроился на длительную дискуссию по поводу новых художественных методов, легших в основу пьесы про Сашеньку и его семейство. Однако Луна, не дав Муму развернуться, скороговоркою произнес:

– Тут еще и звук очень странно записан. Понимаете, когда записывается радиоспектакль, актеры обычно сидят в студии и произносят текст в микрофон. А здесь они явно бродят по кухне. Голоса то тише, то громче. И посторонние шумы половину слов заглушают.

– Это специально, – Герасим все-таки вклинился.

– Погоди, – жестом остановил его Павел. – Сперва дослушай. Длинные паузы тоже ни в какие ворота не лезут. Методы методами, эффекты эффектами, но никто не позволит так бездарно расходовать дорогостоящее эфирное время.

– Ну и что же, по-твоему, это такое, если не спектакль? – Каменное Муму картинно простер к Луне правую руку.

– По-моему, мы просто подслушиваем чью-то настоящую жизнь, – уверенно ответил тот.

Глава II

САШЕНЬКА ИЗ МАГНИТОЛЫ?

Шестеро ребят, собравшихся в большом зале загородного особняка Баскаковых, учились в восьмом «А» классе экспериментальной авторской школы «Пирамида». Собственно, все, кроме Сени, и жили рядом со школой в начале Ленинградского проспекта. Баск же вместе с родителями уже два года как поселился в престижном подмосковном Изумрудове, где его отец, нефтяной олигарх Виталий Семенович Баскаков, приобрел огромный двухэтажный особняк со всеми аксессуарами, которые соответствовали его званию и положению.

Баскаков-старший, равно как и его жена и Сенина мать Анжелика Васильевна, новым местом жительства были вполне довольны, чего нельзя сказать о Сене. То есть, с одной стороны, Баску в этом «новом русском поселке» многое даже нравилось. И друзья неплохие, и великолепный спортивный комплекс с бассейном. Но вот свобода передвижения строго ограничивалась территорией Изумрудова. Выйти, как говорил Баск, «на волю» можно было лишь по письменному разрешению родителей. Нет разрешения – суровый охранник отсылает назад. А Баскаков-старший, тревожась за безопасность сына, выходить ему одному за пределы поселка не разрешал.

Поэтому Баск часто с завистью говорил пятерым друзьям:

– Везет же некоторым. Шастаете по всей Москве – и хоть бы хны. А я в своем Изумрудове, как в тюрьме.

Сравнение с тюрьмой имело некоторые основания. Дело в том, что обширная территория Изумрудова была обнесена глухим бетонным забором, по верху которого тянулось несколько рядов колючей проволоки. В целях безопасности влиятельных и богатых жителей попасть на территорию Изумрудова можно было только сквозь два пропускных пункта. Вооруженная до зубов охрана разрешала посторонним пройти или проехать лишь по приглашениям кого-нибудь из жителей. Однако даже и при наличии приглашения гости сперва подвергались тщательнейшей проверке и лишь потом попадали в «святая святых».

Однажды, внимая Сениным сетованиям по поводу «крайней степени несвободы», ехидная Варька Панова даже сочинила стишок:

Как жизнь страданиями чревата
У сына крупного магната!

Баск на полном серьезе ответил:

– Ты, Варька, совершенно права.

Впрочем, до нынешнего Нового года и Варваре Пановой, и Маргарите Королевой, и Павлу Лунину, и Герасиму Каменеву, и Ивану Холмскому приходилось верить Баску на слово, ибо они никогда не бывали у него в Изумрудове.

Однако в конце декабря Сенья, узнав, что родители вновь собрались без него за границу, самым решительным образом заявил:

– Раз так, я приглашу на каникулы ребят. Не хочу в Новый год быть один.

Нефтяной олигарх, обычно державший сына в черном теле и крайне редко потакавший его прихотям, неожиданно легко согласился. Дело в том, что именно эти пятеро одноклассников Баска, чаще всего называвшие себя Командой отчаянных, Баскакову-старшему нравились. Ведь совсем недавно они спасли Сенью от смертельной опасности. Это произошло во время одного из расследований Команды отчаянных. А вообще-то пятерым друзьям удалось

с начала нынешнего учебного года самостоятельно раскрыть целых семь самых настоящих и очень серьезных преступлений.

Естественно, детективная деятельность ребят совершенно не радовала их родителей. Поэтому Сенино приглашение на каникулы во всех пяти семействах восприняли как настоящий подарок к Новому году. Лучше всех остальных по сему поводу высказалась мама Ивана, Инга Сергеевна. Аккуратно укладывая в сумку вещи сына, она говорила мужу:

– Хоть десять дней гарантированной спокойной жизни. В этом Изумрудове наши дети будут совершенно изолированы от внешнего мира. А значит, при всем желании не смогут вляпаться ни в какую историю.

В общем, ребят отпустили с радостью. И вот теперь, очень весело встретив Новый год, они сидели в столовой и слушали странную «радиопостановку».

– Чужую настоящую жизнь? – не сводя глаз с Павла, переспросила Марго.

– Самое логичное объяснение, – продолжал тот.

– И где же, позволь узнать, по-твоему, эта жизнь происходит? – с издевкой хохотнул Герасим. – У них чего, квартира на радио? Прямо в студии?

– Совершенно не обязательно, – возразил Баск. – В любую квартиру можно сунуть «жучок».

– «Жучок»? – переспросил Иван. – Ты думаешь, где-то стоит «жучок», а Муму словил по радио частоту, на которой идет прослушка?

– Именно, – энергично кивнул Баскаков.

– Да-а, да-а, – протянул Герасим. – Какой, интересно, дурак будет ставить «жучок» на кухне, чтобы полдня наслаждаться всякими историями с кашей?

– Какой кашей, – возразил Баск, – с помощью «жучка» на кухне можно узнать очень много важного. Например, сколько людей живет в доме, их распорядок дня. Кто, когда и куда ездит.

– Скажу больше, Сенечка, – добавила Варя. – При удачном раскладе можно даже подслушать, куда хозяева кладут «ключи от квартиры, где деньги лежат».

– Насчет ключей не знаю, – сказала Марго. – А вот на кого дом записан, мы с вами уже подслушали.

– На Сашенькину маму, – уточнил Сеня.

– И еще, – продолжала Марго, – мы уже в курсе, что теща не испытывает особой любви к своему зятю Леониду.

– А я о чем! – У Павла азартно блеснули глаза. – Теперь предположим, что у этого Леонида есть враги или, например, конкуренты. Прикиньте, как они могут использовать подобную информацию.

– Подкупят тещу, чтобы она траванула зятя. – Герасим по-прежнему не воспринимал все-речь доводы друзей. – Это будет, – загробным голосом добавил он, – отравление века. Кашей.

– Герочка, ну зачем так грубо и примитивно, – в свою очередь развеселилась Варя. – Кашей надо не травить, а бросать Леониду под ноги. Поскользнется на кашке, головой об угол стола ударится, и все. Уноси готовенького.

– В таком случае, – улыбнулась Марго, – мы с вами только что были свидетелями неудавшегося покушения.

– Как же, покушения! – воскликнул Герасим.

– Шутка, Муму, шутка! – нараспев произнесла Марго.

– Про покушение, естественно, шутка, – начал Павел. – Но мне кажется, дело серьезное. Что-то во всем этом есть нехорошее. Кому-то врубили «жучок»...

– Причем где-то рядом, – перебил Сеня. – Раз мы это сумели поймать по радио, значит, дом с «жучком» стоит на территории Изумрудова.

– С чего это ты так уверен? – уставился на него Муму.

– «Жучок» явно непрофессиональный. Профессионал бы выбрал для передачи такую частоту, которую можно поймать только на специальной аппаратуре. А раз установка кустарная, значит, радиус действия ее невелик. Теперь едем дальше. Сашенькина семья живет в большом доме, который дорого содержать. А здесь, кроме нашего Изумрудова, таких поселков поблизости нет.

– Ты хочешь сказать, пасут кого-то из местных? – заинтересовался Иван.

– Похоже, – кивнул Сеня.

– Но вот кого? – Павел задумчиво посмотрел на друзей.

Тут из передней послышалось несколько громких звонков. Затем заколотили в дверь.

– Это Илюшка и Кирюшка, – без тени сомнения объявил Баск. – Им пока ничего не говорим?

– Естественно, – отозвался Павел.

Горничная уже открыла. В передней послышались громкие голоса, топот, затем – истощенный вопль Альбины Ивановны:

– Эй! Лыжи-то хоть оставьте!

В зал влетели двое раскрасневшихся от мороза ребят.

– С Новым годом! Айда на лыжах! – проорали они. – Там снега за ночь навалило!

– На лыжах еще слишком рано, – с мрачным видом ответил Муму.

С лыжами у него были сложные взаимоотношения. Два года назад дедушка Герасима, Лев Львович Каменев, или, как его прозвал Луна, Лев-в-квадрате, в целях укрепления физической формы внука решил регулярно предпринимать с ним лыжные походы. Лев Львович тогда вышел на пенсию. И у него вместо подведомственной крупной физической лаборатории, где все подчиненные ходили по струнке или стояли по стойке «смирно», образовалась уйма нерастратченной энергии и ничем не занятого времени. А так как в свои семьдесят с гаком Лев Львович был еще очень крепок и бодр, то обрушил всю свою несокрушимую волю и организаторский пыл на несчастного Герасима.

Лыжные походы, по мнению бабушки, проходили крайне результативно. Герасим придерживался иных взглядов. Скорость, которую развивал Лев-в-квадрате на лыжах, была для Каменного Муму явно чересчур большая. Однако на все его стенания по тому поводу, что, мол, ноги болят, дедушка бодренько отвечал: «Владей, внук, собой и укрепляй волю. В жизни еще и не такое случается. Потом спасибо мне скажешь».

Спасибо Муму не сказал. На третьем походе, проходившем в крайне неблагоприятных метеорологических условиях, внук обморозил уши и к тому же заболел двусторонним воспалением легких. У Льва-в-квадрате это вызвало глубокое возмущение. Ибо, согласно расчетам бабушки, именно третья совместная прогулка должна была окончательно закалить Герасима.

С трудом выйдя сына, папа и мама, к большому его облегчению, воспротивились дальнейшим походам. Теперь уже второй год Лев-в-квадрате ходил на лыжах либо один, либо в компании друзей. Время от времени он по-прежнему пытался увлечь в новое путешествие Герасима. Однако тот только отмахивался или говорил:

– Лучше мы с ребятами в хоккей погоняем.

В общем, даже упоминание о лыжах повергало Каменного Муму в тоску и ужас. Однако энергичных Илюшку с Кирюшкой его возражения не смущали. По сияющим лицам обоих было видно, что после встречи Нового года они успели прекрасно выспаться и теперь жаждут деятельности и приключений.

– Не хотите на лыжах, пошли на тарелках кататься, – мигом выдал новое предложение Кирюшка. – У нас в этом году такую горку забацали!

– Горка – это годится, – Ивану понравилось предложение.

Герасим тоже не возражал. Главное, не на лыжах.

– Если согласны, чего зря сидите? – Илюшка уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу. – Жарко ведь.

– А ты, Илюшечка, шапочкуними, курточку и перчаточки, – с ехидным видом произнесла Варя. – Тогда, уверяю, тебе станет здесь вполне нормально.

– Вот еще, – отмахнулся Илюшка. – Сперва раздеваться, потом одеваться... Лен. Кирюшка, – посмотрел он на двоюродного брата. – Лучше, пока эти отмороженные тут возятся, пошли побегаем на лыжах вокруг их дома. Все-таки тоже занятие.

Два брата подхватили лыжи и стремглав унеслись на улицу. Не успели оставшиеся в зале перемолвиться словом, как две головы в ярких шапочках молниями мелькнули за окнами и исчезли.

– Энергичные мальчики, – фыркнула Варя. – Я вот только не поняла, они братья или не братья?

– Двоюродные братья-близнецы! – на одном дыхании выпалил Баск.

– Полная ерунда, – менторским тоном заявил Герасим. – Если бы ты, Баск, был немного образованнее, то никогда бы такого не сморозил. Близнецы бывают только родными братьями. Иными словами, у них всегда один папа и одна мама.

– У Кирюшки и Илюшки отец с матерью тоже почти одни, – Сеню ничуть не обескуражило заявление Герасима. – А родились они совершенно одновременно.

– Кто родился совершенно одновременно? – Луна с ошалелым видом смотрел на Баска. – Их папы с мамами или Илюшка с Кирюшкой?

– Они все, – коротко отвечал Баск.

– Ду-урдом, – покрутила пальцем возле виска Варя. – По-моему, нашему Баску вредно встречать Новый год. Шарик за ролики заезжают.

– Ничего у меня не заезжает, – обиделся Сеня. – Просто у Илюшки с Кирюшкой папы близнецы и мамы близнецы. Вы только прикиньте: два комплекта совершенно идентичных родителей. Как они их различают?

– Интересно, – вмешалась Марго. – А Кирюшка с Илюшкой совершенно друг на друга не похожи. Я даже думала, что Илюшка младший брат Кирюшки.

– Не, – Баск мотнул коротко стриженной головой. – Они в один день и в один год родились. Сейчас им, как нам, по тринадцать. Просто Илюшка получился светлый и невысокий в их мам. А Кирюшка высокий и черный – в пап. Они, между прочим, еще и компаньоны.

– Кто? – Иван поскреб затылок пятерней. – Кирюшка с Илюшкой или их мамы?

– Пуаро, – Сеня обратился к нему по прозвищу, – не старайся казаться глупей, чем ты есть. Компаньоны, конечно, папы. Сперва они были просто братьями-близнецами, а потом основали фирму.

В оба окна постучали. Причем с такой силой, что стекла едва не вылетели. За одним из окон маячила голова Кирюшки, а за другим – Илюшки. Оба братца хором орал:

– Долго вы там еще? А то мы уже укатились!

– Еще одну минутку! – Баск воздел вверх указательный палец. – Ребята, пошли одеваться, – обратился он к остальным. – А то они все равно покоя не дадут.

– Очень энергичные мальчики, – снова отметила Варя.

– Что есть, то есть, – подтвердил Баск.

Затем все разбежались по комнатам, чтобы одеться для катания с горки. Вскоре шестеро ребят вновь собрались в передней. На них были разноцветные комбинезоны. Голову Каменного Муму увенчивала розовая шапочка с тремя кокетливыми помпончиками – желтым, синим и нежно-салатовым.

– Мумушечка! – всплеснула руками Варвара. – Где ты взял эту прелесть?

– Мать на католическое Рождество подарила, – Герасим внимательно оглядел свое отражение в зеркале. – А чего? По-моему, мне идет.

– Каменный гном, – вынесла суровый, но справедливый вердикт Варя.

Все, кроме Герасима, засмеялись. Входная дверь резко распахнулась. Вслед за этим в переднюю, едва не сбив с ног Каменное Муму, с шумом влетели две пары лыж и палки.

– Поосторожней нельзя? – завопил Герасим. – Тут, между прочим, люди!

– Пускай наши лыжи у вас пока тут побудут! – проигнорировав заявление насчет осторожности и людей, хором крикнули два почти близнеца. – И вообще, сыпьте на улицу! А то, пока вы собираетесь, весна наступит и горка растает.

– Не наступит, – заверил их Луна и первым вышел на широкое каменное крыльцо, над которым была выложена контрастного цвета кирпичом надпись: «Veni, vidi, vici»¹. Видимо, Баскаков-старший ощущал себя в нефтяном бизнесе настоящим Юлием Цезарем.

Ребята пошли по поселку. Дома тут были один монументальнее другого. Улица, на которой жил Баск, состояла из огромных двух-, а то и трехэтажных особняков. На углу улицы высилось вообще нечто вроде замка с башенками и бойницами. А ниже, над входной дверью из мореного дуба с бронзовыми клепками, красовалась статуя рыцаря в натуральный рост.

– Вот это да-а, – протянула Варвара. – Почти замок Ив.

– Его не Ив зовут, а Иванофф. – Баск подчеркнул неожиданно глухое окончание популярной фамилии и добавил: – Иванофф с фэ-фэ.

– Какое еще фэ-фэ? – не дошло до Герасима.

– Сперва-то он был обычным Ивановым, как все, – подключились к беседе Илюшка с Кирюшкой. – А как разбогател и эту храмину себе отгрохал, так заделался Иваноффым. Потому что, говорит, «Ивановых много, а я один».

– Понятно, – кивнули остальные, и вся компания свернула на другую улицу.

Здесь плотно, если так можно выразиться, плечом к плечу стояли дома совсем другого рода, все совершенно одинаковые. Миновав их, ребята вышли на большую площадку, за которой темнел еловый лесок. На краю площадки, почти примыкавшей к лесу, высилась огромная ледяная горка.

– Нам туда, – скомандовал Кирюшка и бегом ринулся к цели.

– А кататься чего, на пятой точке? – с опаской осведомился Герасим.

– Не, – широко улыбнулся Илюшка. – Там специально для этого есть тарелки. – А ну, не отставать!

И почти близнецы припустились вперед.

Правда, до цели они не дошли. Им преградили путь две совершенно одинаковые женщины в меховых норковых курточках.

– Привет, мамы! – хором воскликнули Илюшка с Кирюшкой. – Мы с ребятами идем кататься!

– Понятно, – тоже хором отозвались одинаковые мамы. А потом та, которая слева, добавила: – Мальчишки, а где же ваши лыжи? Вы же, кажется, на них из дома ушли.

– Из дома-то ушли, – подтвердил Кирюшка, – а теперь они нам оказались не в кассу. Потому что они на лыжах не захотели, – указал он на Команду отчаянных и Сеню.

– Ну и где же лыжи? – на сей раз полюбопытствовала правая мама.

– У Сеньки, – небрежно махнул рукой Илюшка. – Мы на обратном пути их заберем.

– Тогда можете все на обратном пути прийти к нам пить чай, – пригласили мамы. – У нас сладкого много.

– Обязательно придем, – с готовностью откликнулся Луна.

– Вот и славненько, – сказала левая мама, и обе ушли.

Кирюшка и Илюшка вновь ринулись к горке.

– Как вы их различаете? – полюбопытствовала на ходу Варя.

¹ «Пришел, увидел, победил» (лат.).

– Запросто, – ответил Кирюшка. – По одежде. У них этот... стиль разный.

– Что-то я не заметила, – усмехнулась Варвара. – По-моему, они одеты совершенно одинаково.

– Это сегодня, – пояснил Илюшка. – Редкий случай. Потому что обычно у моей матери стиль спортивный, а у его, – ткнул он пальцем в сторону двоюродного брата, – элегантный.

– Хватит о мамах, давайте лучше кататься!

Достигнув горки, Кирюшка забежал под навесик и, выбрав из груды огромную пластиковую тарелку, устремился по снежным ступенькам к вершине.

– И-э-эх! – раздался удалой клич.

Мгновение спустя Кирюшка, лежа животом на тарелке, слетел вниз головой с горки, пулей пронесся мимо ребят и врезался в сугроб.

– Класс! – одобрил брат – почти близнец. – Но я лучше могу.

– Не можешь! – Кирюшка высунул из сугроба облепленную снегом голову.

– Могу, – настаивал брат.

– А вот и фигли, – обратился к присутствующим Кирюшка. И, подмигнув Варе, уточнил: – Он вообще никогда лучше меня ничего не может.

– Правда? – Варвара кокетливо хлопнула длинными ресницами.

– Кривда! – злобно огрызнулся Илюшка. – Я его на этой дистанции каждый день делаю!

– Не может быть! – всплеснула руками Варя.

Ее замечание сыграло роль фитиля, поднесенного к бочке с порохом.

– Врет он все! – заорал Кирюшка.

– Нет, это он все врёт! – тоже закричал Илюшка.

– Кого-то они мне очень напоминают, – косясь на Герасима, шепнула Маргарите Варвара.

Тем временем Илюшка, вооружившись тарелкой, начал карабкаться на вершину горы. Кирюшка, тоже с тарелкой, последовал за братом. На середине дистанции он с помощью тарелки ловко подсек Илюшку, а тот в падении опрокинул его, и оба кубарем скатились вниз по ступенькам.

– Ну, видали, как я его! – выкрикнули одновременно они.

– Видали, видали, – торопливо заверила их черноволосая Марго. Она опасалась, как бы противоборство почти близнецов не переросло в подлинную дуэль. – Ребята, – крикнула она, не давая братьям продолжить спор, – а мы-то с вами чего стоим? Айда кататься!

Некоторое время все с удовольствием просто катались. Горка в Изумрудове и впрямь получилась отличной, и на спуске у ребят ветер свистел в ушах. Однако минут через тридцать Илюшка с Кирюшкой дружно заявили, что спускаться с горки по одному – это «скучно и даже банально».

– Так даже маленькие дети могут, – с презрением процедил сквозь зубы Кирюшка.

– И вообще, есть у нас головы на плечах или нет? – подхватил Илюшка. – Неужели мы не можем придумать достойное катание?

– Естественно, можем, – с важностью заявил Кирюшка. – Ну-ка, Илья, иди сюда. Есть у меня одна мысль.

И, отведя брата в сторонку, он с заговорщицким видом принялся что-то нашептывать ему на ухо. Илюшка сперва сосредоточенно кивал. Затем лицо его расплылось в счастливой улыбке.

– Молоток, – хлопнул он по плечу Кирюшку.

Оба вскарабкались на горку.

– Внимание! – оглушительно заорали они оттуда. – Смертельный номер! Исполняется впервые! На арене всемирно известный дуэт братьев Ряжских.

Не успели Сеня и Команда отчаянных понять, в чем дело, как «всемирно известный дуэт», усевшись на тарелки и обхватив друг друга за плечи, синхронно спустился с горки, на жуткой скорости врезался все в тот же сугроб и временно исчез из вида.

Правда, почти близнецы почти сразу же вылезли.

– Оп-ля-ля! – воскликнули они, отплевываясь от снега.

– Экзотно! – воскликнул Баск. – Я тоже так хочу.

– То-оже, – покровительственно протянул Илюшка. – Если бы не мы с Кирюшкой, ты, Баск, ни за что бы до такого способа не допер.

– Нет, я бы допер, – уверенно отозвался Баск. – А вот Муму никогда бы не допер.

– А мне и не надо, – тощий высокий Герасим высокомерно вздернул острый подбородок. – Я до гораздо более важных вещей допираю.

Однако Баск продолжать спор не стал.

– Луна, – повернулся он к Павлу, – пошли так же съедем.

– Очень опрометчиво, – покачала головой Варя. – На вас с Пашкой одной горки не хватит.

– Наоборот, – возразили почти близнецы. – Чем теснее, тем лучше. Потому что риск увеличивается.

Однако ширины горки Павлу и Сене вполне хватило. Они с оглушительными воплями, но без особых приключений съехали вниз. То же попарно проделали и остальные.

Особенно отличился Герасим. Его узкое длинное тело стрелой вонзилось в сугроб и почему-то напрочь застряло там. В поле видимости остались лишь ступни, облаченные в ботинки с высокой шнуровкой. Ступни конвульсивно дергались. Именно по этому признаку Луна определил, что Муму подает сигналы бедствия. Ребята общими усилиями вытянули его за ноги.

Отдышавшись, Муму проворчал:

– И на фига тут этот сугроб торчит?

– Для амортизации, – пояснил Сеня. – Иначе бы ты сейчас не в снег врезался, а во что-нибудь твердое.

– Железная логика, – презрительно усмехнулся Герасим. – По-моему, до ближайшего твердого ехать и ехать.

– Все равно, – Сеня остался при своем мнении. – Этот сугроб нужен на всякий случай.

Почти близнецы вновь о чем-то пошептались. Затем с очень хитрыми лицами снова полезли по снежным ступеням на горку.

– Уважаемая публика! – грянули они с высоты. – Всемирно известные братья-акробаты Ряжские представят вам новый смертельный номер.

Они встали в тарелках на колени и, обхватив друг друга за плечи, с лихими воплями начали новый спуск. До середины горки все шло нормально, и братья каким-то чудом удерживали равновесие. Внезапно их повело влево. Продолжая крепко держать друг друга за плечи, всемирно известный дуэт на головокружительной скорости сошел с трассы, пронесся по снежной целине и, подлетев на какой-то кочке, взвился в воздух.

Приземлившись, дуэт не без внутреннего содрогания обнаружил, что каким-то неясным образом превратился в трио. Ибо между ними, оглушительно воя, барахтался ребенок в беленькой шубке.

– Это еще откуда? – в полном замешательстве посмотрел на ребенка Кирюшка.

– Сашенька! – раздался над головами упавших истошный женский вопль. – Ты цел?

Почти близнецы разом подняли головы и убедились, что трио уже превратилось в квартет. Четвертым членом компании оказалась немолодая женщина. Подхватив ребенка на руки, она принялась ощупывать его и причитать:

– Ты жив, мой маленький? Жив?

– Жив! – проорал ей в ухо Кирюшка. – Слышите, как вопит.

Лучше бы он не вмешивался. Ибо бабушка ребенка с ходу напустилась на братьев.

– Хулиганы! Убийцы! – потрясала она кулаками в самой непосредственной близости от их заснеженных лиц. – Из-за вас я чуть не лишилась единственного внука.

– Но ведь не лишились, – резонно возражал Кирюшка. – Все хорошо, что хорошо кончается.

А Илюшка, всегда считавший, что лучшая защита – это нападение, с возмущением заявил:

– Да вы сами виноваты! Почему за своим ребенком не смотрите? Он у вас возле горки гуляет. Так можете навсегда внука лишиться.

Бабушка орущего Сашеньки на минуту умолкла, затем разразилась гневной тирадой по поводу распущенных детей, а также их родителей. А в заключение принялась строить самые неблагоприятные прогнозы по поводу будущего Илюшки с Кирюшкой.

Пока братья препирались с разгневанной женщиной, а ребенок истошно вопил, Павла вдруг осенило: а не тот ли это Сашенька, семейство которого подслушивают?

– Слушай, Баск, – обратился Луна к Сене. – Ты эту бабушку знаешь?

– По имени нет, – покачал головой тот. – Но знаю, где живет.

– А отец Сашеньки не Леонид? – Луна задал новый вопрос.

– Понятия не имею, – откликнулся Баск. – Я и про ребенка-то этого только сейчас узнал, что он, оказывается, Сашенька.

– Нестрашно, – вмешался Иван. – Главное, Сеньке известен их дом. Значит, мы сможем потом сходить и проверить.

– Голос у бабки вроде похожий, – сказал Герасим.

– А у ребенка? – осведомилась Марго.

– По-моему, все дети орут одинаково, – заявил Муму.

– Ну, не скажи, – заспорила Варя. – Одни орут тонкими голосками, а другие – басом.

– Кстати, мы ведь даже не знаем, кто там, по радио, был, девочка или мальчик, – внезапно сообразила Марго.

– Естественно, мальчик, – Герасим, в отличие от нее, не испытывал на сей счет никаких сомнений. – Сашенька, значит, Александр.

– Дурак ты, Мумушенька, – с сочувствием проговорила Варя. – К твоему сведению, Сашенька с одинаковым успехом может быть как Александром, так и Александрой. А если ты такой серый, что этого не знаешь, никто не виноват.

– А я лично уверен, что по радио передавали мальчика, – упрямо изрек Каменное Муму.

– Будем надеяться, что ты прав, – ответил Луна. – Но все равно придется проверить.

Вдруг в Изумрудове несколько мальчиков по имени Сашенька.

– У нас тут детей до черта, – подтвердил Баск.

– А я уверен, что это именно тот, кто нам нужен, – покосился на орущего ребенка Муму. – Мне интуиция подсказывает.

Варя презрительно усмехнулась. Муму надулся.

– Слушай, Луна, ну что они за люди? – Баск указал пальцем на Герасима и Варвару. – Почему они все время сражаются?

– Да кто их знает, – пожал плечами Павел. – Верно, им так на роду написано.

– Просто у Варьки плохой характер, – свирепо проговорил Муму.

– Это у меня? – кинула ангельский взор на Команду отчаянных голубоглазая Варька. – Да я сама кротость. А вот Мумушечка у нас – чистый зверь и тиран.

Бабушка Сашеньки, пообещав напоследок почти близнецам, что «основной разговор у них еще впереди», подхватила ребенка и торопливо ушла. Кирюшка с Илюшкой присоединились к оставшейся части компании.

– Кататься еще будем? – поинтересовались они.

– Да вроде уже темнеет, – сказала Марго.

– Тогда завтра сюда еще придем, – сказал Илюшка.

– И продолжим, – подхватил Кирюшка. – А сейчас пошли к нам чай пить.

Остальные с удовольствием приняли приглашение. Проторчав столько времени на морозе, все изрядно проголодались.

По дороге к дому «всемирно известный дуэт братьев Рязских» бурно сетовал на несправедливость Сашенькиной бабушки.

– Сама суется со своим внуком куда не надо, а баллон на нас катит, – сказал Кирюшка.

– Да мы этого Сашеньку даже пальцем не тронули, – подтвердил Илюшка.

– Не тронули! – с обличительным пафосом подхватил его брат. – Да мы его даже не видели! Нашли во что почти грудного ребенка одеть. В белую шубу! Да он вообще как в маскхалате! Со снегом сливается! Поди его тут разгляди. Особенно когда падаешь.

– И потом, – перебил брата Илюшка, – какая же бабка, если она в своем уме, позволит ребенку убежать с детской площадки к горке, где серьезные люди катаются.

Варя прыснула. А Марго с беспокойством проговорила:

– Ребята, вы уверены, что ничего этому Сашеньке не повредили? Он так плакал!

– Совершенно уверены! – хором откликнулись братья.

– Мы упали рядом и не задели его, – уточнил Илюшка.

– А орал он, – подхватил Кирюшка, – сперва от страха, а потом потому, что бабка орала. –

Тут он остановился возле большого дома, обнесенного низкой металлической оградой. – Пришли. Заваливайтесь.

– Может, сперва ко мне зайдём за вашими лыжами? – предложил Баск.

– Не, – возразил Кирюшка. – Лучше мы заберем их, когда после чая будем вас провожать.

Чаепитие удалось на славу. Мамы почти близнецов просто завалили стол разнообразными бутербродами, фруктами, конфетами и пирожными. В заключение были поданы два потрясающе вкусных домашних торта. Братья принялись хвастаться.

– Этот делала моя мама, – Илюшка указал на шоколадный торт, украшенный вишнями. И на всякий случай пояснил: – Моя та, которая в голубом свитере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.